

ПАМЯТИ ХУД. ЛОХОВА

ПИСЬМО ИЗ ФЛОРЕНЦИИ

Ниже мы печатаем письмо из Флоренции, принадлежавшее перу проф. Н. Оттокара. Наш соотечественник: проф. Н. Оттокар, уже давно занимает во Флорентийском Университете кафедру итальянской средневековой истории и его труды пользуются в научном мире заслуженным авторитетом.

Тяжелая и невознаградимая утрата постигла недавно художественные круги Флоренции, да и не только Флоренции, но и всего культурного мира. Скончался 6-го июля Николай Николаевич Лохов, человек замечательный во всех отношениях: незаурядный художник, и, главное, единственный в мире копист, или, как он сам предпочитал выражаться, "восстановитель" произведений старой живописи. На этом поприще Н. Н. Лохов был известен повсюду. Во всех странах имеются замечательные произведения этого великого кописта. Знаменитый американский историк искусства и коллекционер Беренсон считает, что копии Лохова неотличимы от самых оригиналов. Отчасти благодаря Беренсону завязались тесные сношения между Лоховым и целым рядом американских искусствоведов, профессоров истории искусства и директоров музеев, и в Америке, в публичных и частных собраниях, и даже в церквях находятся некоторые из наиболее замечательных работ покойного мастера.

Особенность работы Н. Н. Лохова состоит в том, что он стремится восстановить до мельчайших подробностей самый процесс создания, индивидуальную технику каждого старого мастера. В основе работы Лохова лежит основательное и глубокое изучение не только этой техники, но и всех средств и методов ее воплощения. Лохов сам приготавливал необходимые ему для работы краски — темпера, пользуясь старинными рецептами и результатами химических исследований, сохранившихся в неприкосновенности частей оригиналов. Оттого копии его отличаются единственною в этой сфере точностью и верностью оригиналу. Некоторые из произведений старой живописи, Лохов восстановил не только в том виде, в каком они дошли до нас, т. е., с переменами, оставленными временем и неизбежными изменениями красок, но и в том виде, в каком эти произведения должны были предстать перед зрителем в момент их создания. Эти последние попытки Лохова вызывали иногда некоторое разочарование в любителях старой патины. Они выражали опасения насчет возможной произвольности его художественно-исторических конструкций. Но исключительная добросовестность и доходящая до щепетильности — честность, составляющие одно из основных нравственных качеств этого крупного человека, равно, как и его глубочайшее знание старой живописной техники, абсолютно исключают возможность подобной произвольности. Неудивительно поэтому, что из всех дискуссий на эту тему Н. Н. Лохов выходил всегда бесспорным победителем.

Остается только глубокое сожаление, что от Н. Н. Лохова остаются только его действительно замечательные работы, в которых у него, конечно, не может быть подражателей и последователей. Но ничего не осталось от его основательных изысканий и глубоких наблюдений в области старинной

живописной техники. На настоящих друзей, что необходимо ему изложить письменно результаты этих изысканий, Н. Н. Лохов неизменно отвечал, что он не умеет писать (что абсолютно неверно), и что из такой попытки у него ничего не выйдет. Таким образом весь этот бесценный запас знаний погиб вместе с ним.

Как выше сказано, работы Лохова находятся на самых почетных местах во многих странах. В его двух студиях осталось во Флоренции более двадцати крупнейших и ценнейших его произведений. Еще недавно (не в первый раз) некоторые американские искусствоведы и директора музеев намекали Лохову на возможность приобретения всего этого драгоценного материала. Но Лохов на подобные намеки всегда отвечал уклончиво, ибо в глубине души предназначал эти работы для России. Он всю жизнь мечтал о создании в Москве Лоховского музея, который позволил бы русским людям, при сравнительно ограниченном количестве имеющихся в России оригинальных произведений старой итальянской живописи, вступить в непосредственный контакт с великим итальянским искусством раннего Возрождения. Кое-что уже было сделано им в период, предшествующий первой мировой войне. В Москве в музее Изысканных Искусств были помещены девять его крупных работ, которые он успел перевести в 1914 году. Его доклады и план целой коллекции картин и фресок в его копиях вызвали большой интерес и сочувствие. Н. Н. Лохов надеялся, что спустя 30 лет нынешние художественные круги в Москве отнеслись бы не менее сочувственно к осуществлению его идеи. Однако, он не успел уже представить детально разработанного проекта, отчасти из-за природной своей непрактичности, отчасти потому что тяжелая болезнь давно подтачивала его силы и лишила его необходимых для этого предприимчивости и энергии.

Остается только пожелать, чтобы мечта, которой этот великий бессеребряник посвятил всю свою жизнь, нашла наконец практическое осуществление после его смерти.

РН. 30.07.48

Н. Оттокар.